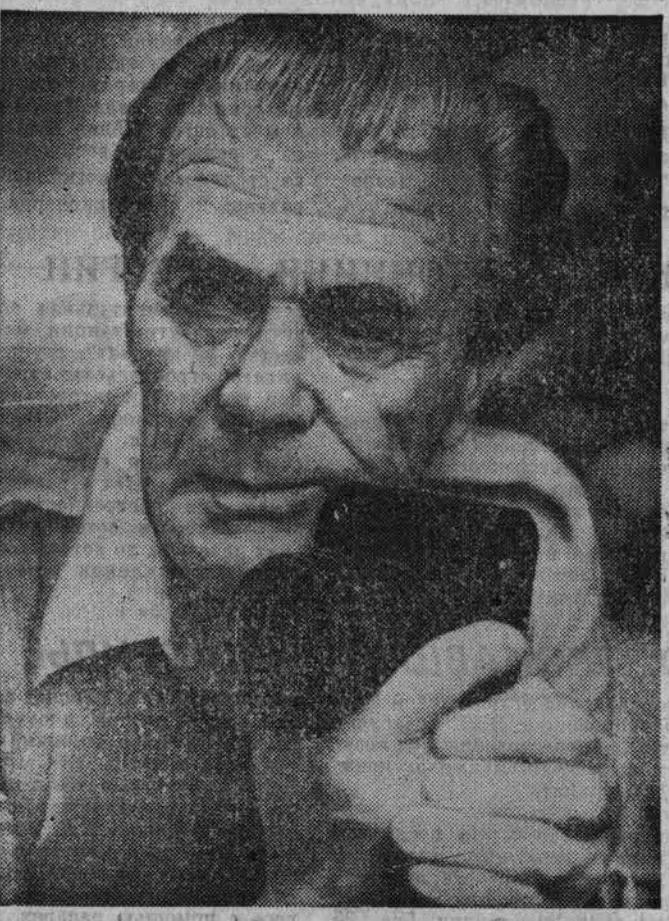


Наши юбиляры

МИР, УВИДЕННЫЙ ОБЪЕКТИВОМ МАСТЕРА



Исполнилось 80 лет старейшему фотоjournalисту Алтая Н. Калинину. С юбилеем встремился наш корреспондент П. Петин. Предлагаем вашему вниманию это интервью.

Николай Николаевич, разрешите от имени журналистов и читателей нашей газеты, от многогодичной армии fotojournalistov подзарвать Вас с юбилейной датой, пожелать вам крепкого здоровья и, несмотря на возраст, творческих успехов.

— Спасибо! Очень благодарен всем поздравившим меня с восмидесятым днем рождения, и особая признательность моим коллегам- журналистам. А что касается творческих успехов, то по мере своих сил еще продолжала фотографировать. Это увлечение, ставшее делом моей жизни, началось когда мне было всего десять лет. Наверное, не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что мой отец был фотографом. И у меня это скорее наследственное.

— А когда Вы почувствовали, что это действительно ваше дело?

— Примерно в 1928 году я уже неплохо делал портреты людей, получились и натурные съемки. Нас, профессиоナルных фотографов, в Барнауле человек пятнадцать тогда насчитывалось. Где-то около десяти лет я отдал этой работе в объединении фотографов, постиг также и мастерство ретуширования.

В 1938 году меня пригласили работать в Иркутск, в редакцию газеты «Восточно-Сибирская правда», а еще через год вновь пригласили, теперь уже в fotojournalistу TASS. С каким-то шеменным чувством грусти по Алтая приехал в Москву, мне комитет там выслал и я начал работать. Проработал около года и попросился на родину, в Барнаул, где у меня остались родственники, знакомые. Вернувшись сюда, стал работать в «Алтайской правде» fotojournalistом.

Потом началась война. Как все мужчины, рвались на фронт, но меня пока не пустили, была «броня». Правда, работать пришлось за несколько человек, я одновременно был и fotojournalistом, и художником, рисовальщиком, инженером-фотографом. Все-таки вырвалась на фронт удалось, но очень скромно заболел, дол-

го время лежал в госпитале. Потом, узнав что я фотограф, меня попросили делать fotojournalistов в солдатские книжки. Так я эта забирала почты в Барнауле, иногда 3-4 часа в сутки. Потом занималась подготовкой новобранцев для отправки на фронт, меня по состоянию здоровья на фронт не брали. И хотя я участия в боевых действиях не принимал, война для меня тоже закончилась в Берлине.

— У Вас на книжной полке вижу много дипломов международных fotojournalistов — более десяти, есть и дипломы со Всесоюзными смотрами.

— Да, их получила примерно за пять лет, начиная с 1956 года. Снимков я посыпал немножко, но они частенько становились участниками fotojournalistов. Поэтому не посыпал сейчас? Наверное, потому что серьезней относлюсь к своему творчеству, более критически — к себе, естественно, снимаю меньше.

— Я долго изучал Ваш снимок «Рыбаки». Знаю, что он снят широкоярким объективом прямо перед несущимися колесами с седоками. Как Вам это удалось?

— Этот сюжет я задумал давно все ждал подходящего момента. Предварительно с наездником мы все обговорили и сделали приспособление, которым меня прикрепили ниже колен на лошадиную. Вот таком подвешенном состоянии я и сделал этот кадр.

— Если не секрет, над чем Вы сейчас работаете?

— Заканчиваю fotojournalistiku на курорте Белокуриха. Снимают цветные слайды, это будет fotojournalist о людях, которые там работают, отдыхают.

— Fotojournalistам будет неизвестно узнать, какими fotojournalistами Вы работаете.

— До недавнего времени работал камераами производства ГДР, ФРГ, были и очень ранние модели германских fotojournalistov. Сейчас у меня

еще одна модель германских fotojournalistov. Сейчас у меня



Хо, но в это время шло становление и журналов, и агентства, менялись условия работы, очень много было командировок. Вот почему я принял решение вернуться в «Алтайскую правду», где проработал до самого ухода за пенсию.

— Пенсии многие считают временем отдыха, а у Вас на пенсионные годы понималось прям-таки творческий взрыв. Я сужу по количеству ваших авторских fotojournalistов, изданных в издательстве «Советская Россия».

Потом началась война. Как все мужчины, рвались на фронт, но меня пока не пустили, была «броня». Правда, работать пришлось за несколько человек, я одновременно был и fotojournalistом, и художником, рисовальщиком, инженером-фотографом. Все-таки вырвалась на фронт удалось, но очень скромно заболел, дол-

го время лежал в госпитале. Потом, узнав что я фотограф, меня попросили делать fotojournalistов в солдатские книжки. Так я эта забирала почты в Барнауле, иногда 3-4 часа в сутки. Потом занималась подготовкой новобранцев для отправки на фронт, меня по состоянию здоровья на фронт не брали. И хотя я участия в боевых действиях не принимал, война для меня тоже закончилась в Берлине.

— У Вас на книжной полке вижу много дипломов международных fotojournalistов — более десяти, есть и дипломы со Всесоюзными смотрами.

— Да, их получила примерно за пять лет, начиная с 1956 года. Снимков я посыпал немножко, но они частенько становились участниками fotojournalistов. Поэтому не посыпал сейчас? Наверное, потому что серьезней относлюсь к своему творчеству, более критически — к себе, естественно, снимаю меньше.

— Я долго изучал Ваш снимок «Рыбаки». Знаю, что он снят широкоярким объективом прямо перед несущимися колесами с седоками. Как Вам это удалось?

— Этот сюжет я задумал давно все ждал подходящего момента. Предварительно с наездником мы все обговорили и сделали приспособление, которым меня прикрепили ниже колен на лошадиную. Вот таком подвешенном состоянии я и сделал этот кадр.

— Если не секрет, над чем Вы сейчас работаете?

— Заканчиваю fotojournalistiku на курорте Белокуриха. Снимают цветные слайды, это будет fotojournalist о людях, которые там работают, отдыхают.

— Fotojournalistам будет неизвестно узнать, какими fotojournalistами Вы работаете.

— До недавнего времени работал камераами производства ГДР, ФРГ, были и очень ранние модели германских fotojournalistov. Сейчас у меня

еще одна модель германских fotojournalistov. Сейчас у меня

Хо, но в это время шло становление и журналов, и агентства, менялись условия работы, очень много было командировок. Вот почему я принял решение вернуться в «Алтайскую правду», где проработал до самого ухода за пенсию.

— Пенсии многие считают временем отдыха, а у Вас на пенсионные годы понималось прям-таки творческий взрыв. Я сужу по количеству ваших авторских fotojournalistов, изданных в издательстве «Советская Россия».

Потом началась война. Как все мужчины, рвались на фронт, но меня пока не пустили, была «броня». Правда, работать пришлось за несколько человек, я одновременно был и fotojournalistом, и художником, рисовальщиком, инженером-фотографом. Все-таки вырвалась на фронт удалось, но очень скромно заболел, дол-

го время лежал в госпитале. Потом, узнав что я фотограф, меня попросили делать fotojournalistов в солдатские книжки. Так я эта забирала почты в Барнауле, иногда 3-4 часа в сутки. Потом занималась подготовкой новобранцев для отправки на фронт, меня по состоянию здоровья на фронт не брали. И хотя я участия в боевых действиях не принимал, война для меня тоже закончилась в Берлине.

— У Вас на книжной полке вижу много дипломов международных fotojournalistов — более десяти, есть и дипломы со Всесоюзными смотрами.

— Да, их получила примерно за пять лет, начиная с 1956 года. Снимков я посыпал немножко, но они частенько становились участниками fotojournalistов. Поэтому не посыпал сейчас? Наверное, потому что серьезней относлюсь к своему творчеству, более критически — к себе, естественно, снимаю меньше.

— Я долго изучал Ваш снимок «Рыбаки». Знаю, что он снят широкоярким объективом прямо перед несущимися колесами с седоками. Как Вам это удалось?

— Этот сюжет я задумал давно все ждал подходящего момента. Предварительно с наездником мы все обговорили и сделали приспособление, которым меня прикрепили ниже колен на лошадиную. Вот таком подвешенном состоянии я и сделал этот кадр.

— Если не секрет, над чем Вы сейчас работаете?

— Заканчиваю fotojournalistiku на курорте Белокуриха. Снимают цветные слайды, это будет fotojournalist о людях, которые там работают, отдыхают.

— Fotojournalistам будет неизвестно узнать, какими fotojournalistами Вы работаете.

— До недавнего времени работал камераами производства ГДР, ФРГ, были и очень ранние модели германских fotojournalistov. Сейчас у меня

еще одна модель германских fotojournalistov. Сейчас у меня

Хо, но в это время шло становление и журналов, и агентства, менялись условия работы, очень много было командировок. Вот почему я принял решение вернуться в «Алтайскую правду», где проработал до самого ухода за пенсию.

— Пенсии многие считают временем отдыха, а у Вас на пенсионные годы понималось прям-таки творческий взрыв. Я сужу по количеству ваших авторских fotojournalistов, изданных в издательстве «Советская Россия».

Потом началась война. Как все мужчины, рвались на фронт, но меня пока не пустили, была «броня». Правда, работать пришлось за несколько человек, я одновременно был и fotojournalistом, и художником, рисовальщиком, инженером-фотографом. Все-таки вырвалась на фронт удалось, но очень скромно заболел, дол-

го время лежал в госпитале. Потом, узнав что я фотограф, меня попросили делать fotojournalistов в солдатские книжки. Так я эта забирала почты в Барнауле, иногда 3-4 часа в сутки. Потом занималась подготовкой новобранцев для отправки на фронт, меня по состоянию здоровья на фронт не брали. И хотя я участия в боевых действиях не принимал, война для меня тоже закончилась в Берлине.

— У Вас на книжной полке вижу много дипломов международных fotojournalistов — более десяти, есть и дипломы со Всесоюзными смотрами.

— Да, их получила примерно за пять лет, начиная с 1956 года. Снимков я посыпал немножко, но они частенько становились участниками fotojournalistов. Поэтому не посыпал сейчас? Наверное, потому что серьезней относлюсь к своему творчеству, более критически — к себе, естественно, снимаю меньше.

— Я долго изучал Ваш снимок «Рыбаки». Знаю, что он снят широкоярким объективом прямо перед несущимися колесами с седоками. Как Вам это удалось?

— Этот сюжет я задумал давно все ждал подходящего момента. Предварительно с наездником мы все обговорили и сделали приспособление, которым меня прикрепили ниже колен на лошадиную. Вот таком подвешенном состоянии я и сделал этот кадр.

— Если не секрет, над чем Вы сейчас работаете?

— Заканчиваю fotojournalistiku на курорте Белокуриха. Снимают цветные слайды, это будет fotojournalist о людях, которые там работают, отдыхают.

— Fotojournalistам будет неизвестно узнать, какими fotojournalistами Вы работаете.

— До недавнего времени работал камераами производства ГДР, ФРГ, были и очень ранние модели германских fotojournalistov. Сейчас у меня

еще одна модель германских fotojournalistov. Сейчас у меня

Хо, но в это время шло становление и журналов, и агентства, менялись условия работы, очень много было командировок. Вот почему я принял решение вернуться в «Алтайскую правду», где проработал до самого ухода за пенсию.

— Пенсии многие считают временем отдыха, а у Вас на пенсионные годы понималось прям-таки творческий взрыв. Я сужу по количеству ваших авторских fotojournalistов, изданных в издательстве «Советская Россия».

Потом началась война. Как все мужчины, рвались на фронт, но меня пока не пустили, была «броня». Правда, работать пришлось за несколько человек, я одновременно был и fotojournalistом, и художником, рисовальщиком, инженером-фотографом. Все-таки вырвалась на фронт удалось, но очень скромно заболел, дол-

го время лежал в госпитале. Потом, узнав что я фотограф, меня попросили делать fotojournalistов в солдатские книжки. Так я эта забирала почты в Барнауле, иногда 3-4 часа в сутки. Потом занималась подготовкой новобранцев для отправки на фронт, меня по состоянию здоровья на фронт не брали. И хотя я участия в боевых действиях не принимал, война для меня тоже закончилась в Берлине.

— У Вас на книжной полке вижу много дипломов международных fotojournalistов — более десяти, есть и дипломы со Всесоюзными смотрами.

— Да, их получила примерно за пять лет, начиная с 1956 года. Снимков я посыпал немножко, но они частенько становились участниками fotojournalistов. Поэтому не посыпал сейчас? Наверное, потому что серьезней относлюсь к своему творчеству, более критически — к себе, естественно, снимаю меньше.

— Я долго изучал Ваш снимок «Рыбаки». Знаю, что он снят широкоярким объективом прямо перед несущимися колесами с седоками. Как Вам это удалось?

— Этот сюжет я задумал давно все ждал подходящего момента. Предварительно с наездником мы все обговорили и сделали приспособление, которым меня прикрепили ниже колен на лошадиную. Вот таком подвешенном состоянии я и сделал этот кадр.

— Если не секрет, над чем Вы сейчас работаете?

— Заканчиваю fotojournalistiku на курорте Белокуриха. Снимают цветные слайды, это будет fotojournalist о людях, которые там работают, отдыхают.

— Fotojournalistам будет неизвестно узнать, какими fotojournalistами Вы работаете.

— До недавнего времени работал камераами производства ГДР, ФРГ, были и очень ранние модели германских fotojournalistov. Сейчас у меня

еще одна модель германских fotojournalistov. Сейчас у меня

Хо, но в это время шло становление и журналов, и агентства, менялись условия работы, очень много было командировок. Вот почему я принял решение вернуться в «Алтайскую правду», где проработал до самого ухода за пенсию.

— Пенсии многие считают временем отдыха, а у Вас на пенсионные годы понималось прям-таки творческий взрыв. Я сужу по количеству ваших авторских fotojournalistов, изданных в издательстве «Советская Россия».

Потом началась война. Как все мужчины, рвались на фронт, но меня пока не пустили, была «броня». Правда, работать пришлось за несколько человек, я одновременно был и fotojournalistом, и художником, рисовальщиком, инженером-фотографом. Все-таки вырвалась на фронт удалось, но очень скромно заболел, дол-

го время лежал в госпитале. Потом, узнав что я фотограф, меня попросили делать fotojournalistов в солдатские книжки. Так я эта забирала почты в Барнауле, иногда 3-4 часа в сутки. Потом занималась подготовкой новобранцев для отправки на фронт, меня по состоянию здоровья на фронт не брали. И хотя я участия в боевых действиях не принимал, война для меня тоже закончилась в Берлине.

— У Вас на книжной полке вижу много дипломов международных fotojournalistов — более десяти, есть и дипломы со Всесоюзными смотрами.

— Да, их получила примерно за пять лет, начиная с 1956 года. Снимков я посыпал немножко, но они частенько становились участниками fotojournalistов. Поэтому не посыпал сейчас? Наверное, потому что серьезней относлюсь к своему творчеству, более критически — к себе, естественно, снимаю меньше.